МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VII (XXI)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(16–18 апреля 2020 г.)

Выпуск 21

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

летчик, обращенный к высшим сферам, а приземленный материалист. Есть внутренняя субъективная точка зрения Паоло (и подобных ему), в соответствии с которой тому, кто преодолел официальный миф, нет места в этом мире, но именно ему открывается забытая страна Гиперборея, позволившая выйти за пределы коллективного мифотворчества и вернуться к забытому архаическому, но важному лично для него, состоянию мира.

Литература

1. Некрасова Е.С. Мифологические конструкции в советской культуре и искусстве // *Studia culturae*. 2002. № 2. С. 179–188.
2. Русская литература XX века: 1930-е – середина 1950-х годов : в 2 т. / под ред. Н.Л. Лейдермана, М.Н. Липовецкого. М. : Академия, 2014. Т. 1. 478 с.
3. Желтова Е.Л. Культурные мифы вокруг авиации в России в первой трети XX века // *Труды «Русской антропологической школы»*. М. : РГГУ, 2007. Вып. 4 (часть 2). С. 163–193.
4. Садур Н. Чудная баба. М. : АСТ, 2015. 320 с.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-91

СТЕРНИАНСТВО В РОМАНЕ А. БИТОВА «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СИММЕТРИИ»: НОВЕЛЛА «THE TALKING EAR»

Буханова Е.Д.

Томский государственный университет, студент

THE RECEPTION OF L. STERNE IN THE SHORT STORY «THE TALKING EAR» IN THE NOVEL BY A. BITOV «THE TEACHER OF SYMMETRY»

Bukhanova E.D.

Tomsk State University, student

В новелле «The Talking Ear» из романа А. Битова «Преподаватель симметрии» выявляются аспекты рецепции наследия Л. Стерна. Нарушение линейной наррации («забалтывание» однозначного вывода) и приём «потока сознания» («говорящее ухо» – выраженный в слове голос бытия) фиксируют непосредственность контакта с истиной. Игровая стратегия «русской бессюжетности» не позволяет дать завершённую картину мира.

Ключевые слова: Битов, Стерн, рецепция, метатекст, сентиментализм.

The reception of L. Sterne is revealed in the short story «The Talking Ear» in the novel by A. Bitov «The Teacher of Symmetry». The breach of the linear narrative

(chattering of unequivocal conclusion) and the method of the stream of consciousness fix the spontaneity of the contact with being. Game strategy of the «Russian plotlessness» doesn't allow to give completed picture of the world.

Key words: Bitov, Sterne, Reception, Metatext, Sentimentalism

Научный руководитель: Т.Л. Рыбальченко, канд. филол. наук, доцент ТГУ.

В романе «Преподаватель симметрии» (1969–2008) А. Битов выстраивает линию европейской словесности, выразившую особенности неклассического мышления на материале английского (островного) и русского (пространственно неограниченного) сознания. Проблема художника в периоды разного понимания сущности словесного искусства позволяет прочесть роман как метароман о роли литературы в выстраивании картины мира. Ориентиром при анализе была избрана рецепция стернианской традиции.

Битов мистифицирует роман как «перевод с иностранного без словаря» и передаёт права авторства своему герою – англичанину-стернианцу Тайрд-Бэффину. Бэффин, в свою очередь, создаёт образ писателя-двойника, модерниста Урбино Ваноски, в творческом развитии которого выделяются периоды прохождения разных художественных стратегий: неомифологический, восточный (японский) и стернианский.

В новелле «The Talking Ear» Ваноски открывает симметричность западного и русского типов мышления, ориентируясь на неоконченные романы Л. Стерна: «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентельмена» (1759–1767) и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768). В метатекстуальной рамке Урбино рассуждает о невозможности поймать русский сюжет: «В России нет сюжета – одно пространство» [1. С. 112]. Игровая стратегия соответствует безграничности бытия, не позволяющей дать завершённую картину мира, «поставить точку в конце предложения».

Мифотворчество Ваноски исключает возможность применения к России как литературных, так и физических законов. Моделируется стернианский игровой хронотоп «антипутешествия», в котором расходятся ритмы передвижений в пространстве и переживаний: «Если тюрьма – это попытка человека заменить пространство временем, то Россия – это попытка Господа заменить время пространством!» [1. С. 115].

В английском пабе, куда Урбино заходит, когда ему удаётся «хоть что-либо дописать до конца» [1. С. 113], он сближается с русским Антоном, путешественником и рассказчиком, и не находит с ним общий язык: «Одно есть только общее для всех языков <...>. В конце

предложения должна стоять точка» [1. С. 119]. Мениппейные споры Урбино и Антона, полные юмористических каламбуров, восходят к болтовне стерновских героев, уводящей их от однозначных и потому ограниченных выводов о бытии.

Пытаясь ухватить поток жизни, Ваноски организует повествование по принципу стернианских нарративных матрёшек. Разбираясь в перипетиях нелогичной судьбы Антона, Урбино фокусируется на образе его чудака-учителя, изобретателя-неудачника Тишкина. Утверждается право частного человека шендианского типа на свободное философствование, на построение собственной картины мира: «Настоящая наука не линейна так же, как роман <...> В нем все должно быть заново открыто» [1. С. 128].

Метафорой поиска миропонимания для Тишкина становится шендианское тексто моделирование. В паутине словесных контрапунктов, в игровой исповеди он создаёт игровую модель феноменов, релятивную, в духе Эйнштейна, и одновременно системную, в духе периодической таблицы Менделеева. От стернианского «дрейфа по тексту» Битов протягивает нить к модернистскому приёму «потока сознания». Стремление видеть бытие широко приводит Ваноски к стернианским формам самопроизвольно развёртывающегося текста, обретаемым в утрате логической стройности мысли.

Тишкин следует открытому Стерном шендианскому произволу движения фокуса повествования, петляющего от частных «жизни» к философским прозрениям, «мнениям»: «Не знаю, почему это у меня в голове ни одной мысли <...>. А все считают меня умным <...>, я сижу на банке и гребу, а миссис Даун загораживает мне своей шляпой всю видимость <...>. Адекватное восприятие невозможно. Оно непосильно сознанию – только Богу <...>. К чему это я? Ага, беленькая или черненькая? <...> Выбор – это ритм?» [1. С. 132–134].

Ваноски мифологизирует русских как носителей свободного, интуитивного сознания, архетипически близких стерновскому типу чудака – гения и профана одновременно. Коллажи их провалов и взлётов порождают нелинейность и фрагментарность повествования Ваноски и напоминают поэтику постмодерна, которую, по Битову, предвосхитило новаторство Стерна. Однако идея ценностного релятивизма противостоит возрождаемый стерновский гуманизм – «жажда понять, почему <...> человек величествен даже в своих неудачах» [2. С. 200]. Поражение героев компенсируется ориентацией их онтологических замашек на понимание бытия, а не на утверждение законов и правил. Стернианская

спонтанность творчества порождается бескорыстным желанием совершенствовать мир.

Формой расширения «островной» картины мира для Урбино становится «сентиментальное путешествие» – путешествие сознания в интуиции и воображении. Выстраивая петляющий русский сюжет, он приближается не к России, а к родной Англии. Продолжая линию Стерна, Битов показывает открытость мира чувствам и сознанию частного человека. Эмоциональные впечатления Ваноски выражаются не в итоговых формулах, а в стернианской философской иронии. Отрешившись от линейного сюжета, Урбино слышит голос Говорящего Уха (метафора отзывчивости на зов бытия, воспроизведения истин в слове).

Рецепция А. Битовым наследия Л. Стерна актуализирует в релятивистском XX в. сентиментальную потребность обретения гуманистических ценностей, скорректированную ироническим скепсисом. Л. Стерн первым показал процесс тексто моделирования как интуитивное вслушивание в бытие и выражение смыслов жизни в игровом сюжете.

Литература

1. Битов А.Г. Преподаватель симметрии : роман-эхо. М. : Фортуна ЭЛ, 2008. 429 с.
2. Шкловский В.Б. Стерн // О теории прозы. Москва : Советский писатель, 1983. 382 с.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-92

АНТИНОМИЯ ЖИЗНИ И ПАМЯТИ В РАССКАЗЕ А. ИЛИЧЕВСКОГО «УЛЫБНИСЬ»

Бойцова А.В.

Томский государственный университет, студент

THE ANTINOMY OF LIFE AND MEMORY IN THE NOVEL «SMILE» BY ALEXANDER ILICHEVSKY

Boitsova A.V.

Tomsk State University, student

Цель работы — раскрыть авторскую концепцию жизни, которая утверждает как неизбежность продолжения жизни при осознании человеком её конечности, так и необходимость сохранения жизни в памяти и в текстах. Анализируется сюжетостроение (сопоставление двух неравных по нарративной фокусировке историй), выявляется значение символики вещи (фотоаппарата) и мотива фотографии как текста об исчезнувшей жизни.

Ключевые слова: А. Иличевский, сюжет, память, смерть, фотография.